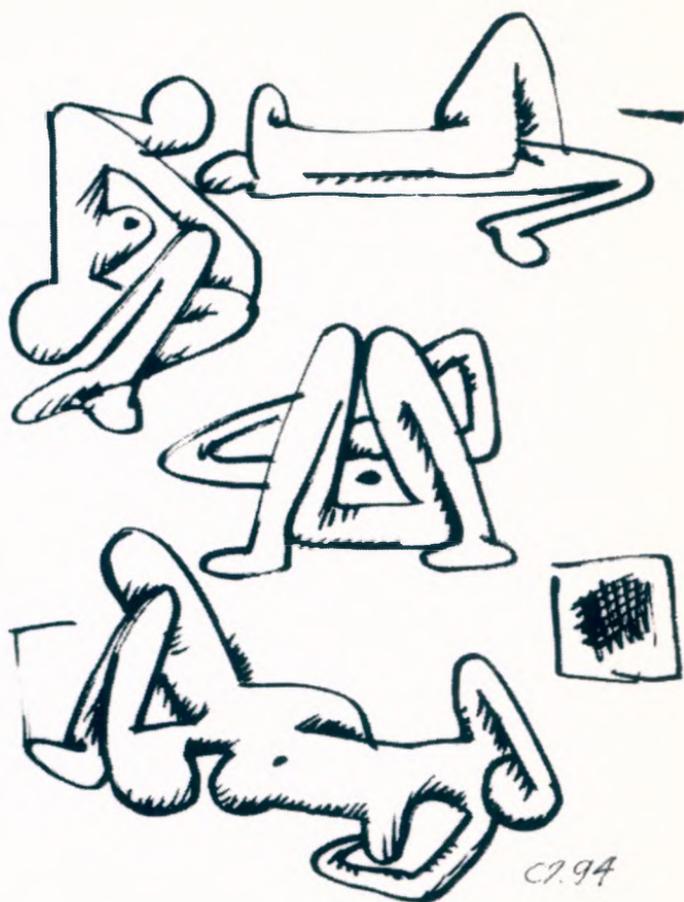

ДАВИД ШРАЕР-ПЕТРОВ

ДВЕ КНИГИ

ДАВИД ШРАЕР-ПЕТРОВ

Д В Е К Н И Г И

СТИХИ

2009
Филадельфия
«Побережье»

Давид Шраер-Петров
David Shraye-Petrov

Две книги
Two books

Стихи
Poetry
(In Russian)

2009 © Copyright by David Shraye-Petrov
All rights reserved

Обложка работы Сергея Голлербаха

ISBN: 978-0-9654454-5-0

Library of Congress Control Number: 2009905853

Издательство:
«Побережье» (The Coast)
9921 Bustleton Ave., unit W-10
Philadelphia, PA 19115 USA
E-mail: editor@coastmagazine.org

Printed in the United States by Morris Publishing
3212 East Highway 30
Kearney, NE 68847
1-800-650-7888

ДАВИД ШРАЕР-ПЕТРОВ родился 28 января 1936 г. в Ленинграде (С.Петербург). Двойное имя Шраер-Петров отражает существо жизни этого писателя в русской литературе. В послевоенном детстве он начинает формулировать мучительные вопросы, которые определили его будущую жизнь: «Принадлежат ли евреи России? Неотвратима ли полная ассимиляция?» Шраер-Петров появился на литературной сцене как поэт во время хрущевской оттепели. Он был одним из основателей легендарного литературного объединения при Дворце Культуры Промкооперации. Заседания «Промки» посещались Ильей Авербахом, Василием Аксеновым, Дмитрием Бобышевым, Александром Кушнером, Анатолием Найманом, Михаилом Ереминым, Виктором Соснорой, Евгением Рейном и другими звездами ленинградской молодой литературы времен оттепели. В 1964 г. Шраер-Петров переезжает в Москву, продолжая писать стихи и прозу, главной темой которых становится природа отношений русских и евреев. Это приводит к конфликту с советской системой и правлением Союза писателей. Покидая Россию в 1987 г., Шраер-Петров увозит с собой рукопись первого тома своих литературных мемуаров, а в 1994 г. выходит второй том, в котором воспроизведена литературная среда Москвы конца 60-70-х годов. Крупный американский литературовед Виктор Террас писал, что «его (Шраера-Петрова) интеллектуальная честность делают эту книгу откровением». В 2007 г. в С.Петербурге вышло новое издание мемуаров «Водка с пирожными», номинированное на литературную Бунинскую премию 2008 г.

ПО НАПРАВЛЕНИЮ К МОРЮ

ЗВОНОК ИЗ РЕДАКЦИИ

– Стихи идут в номер!
– Идут, идут.
– Стихи идут в номер?
– Идут, идут.
Идут, идут, идут,
Идут стихи в номер.

– Раствор идет в вену!
– Идет, идет.
– Раствор идет в вену?
– Идет, идет.
Идет, идет, идет,
Идет раствор в вену.

– Любовь идет в сердце!
– Идет, идет.
– Любовь идет в сердце?
– Идет, идет.
Идет, идет, идет,
Идет любовь в сердце.

– Трамвай идет к морю!
– Идет, идет.
– Трамвай идет к морю?
– Идет, идет.
Идет, идет, идет,
Идет трамвай к морю.

– Идет, идет время!
– Идет, идет.
– Идет, идет время!
– Идет, идет.
Идет, идет, идет,
Идет, идет время.

НА ТАБУРЕТЕ В БАРЕ

Ощутить себя на табурете,
В центре бара
Касательно круга,
По которому ходит бармен
Сооружая коктейли.

Ощутить себя частью сообщества
Случайных пришельцев
И постоянных,
Тебе безразличных.
Хотя неотвязна потребность
Себя ощутить.

Ты пытаешься заговорить
С барменом. Он занят
Протиранием стаканов,
Смешиванием алкоголей,
Игрой на компьютере,
Который показывает
Счет за выпивку.

Остается экран телевизора
Напротив тебя, в углу.

Там бейсбол.
Там битой шибает тяжелый мяч.
Там бегут, кто скорей через поле.
Там пятнают мячом.
Там ловят.
Там – лапта, повзрослевшая сразу на целую жизнь.
Лапта, переплывшая океан,
Обменявшая дворик московский
На бостонский бар.

ФЕВРАЛЬ В НОВОЙ АНГЛИИ

Февраль лихорадит.
Машина в поту –
Стороннем слиянии
С преисподней.

Я ненароком
В местном порту.
Надпись на судне
Прилипчивей сводни.

Кинуть машину,
Взять билет
На самый, что ни на есть кругосвет!
Забраться в кают
Глухоту
И – каюк!

Забить принадлежность свою к февралю.
К тому, что чернилами плачет в Москве,
К тому, что глаза мои прячет в тоске,
Забить и уплыть.
И последнюю нить,
Как рифму от сердца отсоединить.

Как рифму, капельницу, прервать перестук,
Как воздух последний, когда нам каюк,
Постылый пустынный простынный ритм,
В котором спасение бритвы горит,
В котором последний билет в никуда,
Где кровь разбавляет морская вода.

ИЗ КАВАФИ

Брожу из угла в угол.
Сколько углов, комнат?
Трогаю книги на полках,
Многие книги до сих пор
Говорят из дальних лет,
Как будто бы живы
Души друзей—поэтов,
А тела заморожены в космосе,
Чтобы не перерождаться
Не исчезать во времени,
Чтобы остаться такими,
Как были в мои
Молодые годы.

Из угла в угол брожу,
Трогаю кресла и рамы картин,
Нажимаю на клавиши компьютера,
Вызываю
Собеседника.

Если
Напечатать письмо
И положить в морозильник
Памяти
Произойдет
То же самое, что с надписями на книгах,
С фотоальбомами —
Хранилищами
Мгновений жизни, жизнью, животрепетаний.

Перебираю фотографии.
Вот мама в возрасте моего сына,
Вот отец, вот бабушка, дед, дядя, тетки, кузены, кузины.
Оказывается можно всех обогнать в марафоне жизни,
Стать самым старым в семье,
Самым сутулым,
Самым разбитым,
Самым скрипучим,
Как венский стул
С вензелем спинки.

Можно заказать трехмерное фото
Твое и мое
И поставить
Твое и мое
Два трехмерных фото времен Черного моря,
Времен винограда и кукурузных початков,
Ослика,
Наглых парней
Из приморского парка.

Можно представить себе и тебе, и всему
Городу можно представить себе,
Как возгордятся горожане
Нашим вторым пришествием
Хотя бы в виде трехмерных
Улыбок и прочих движений.

Как удивятся
Нашим трехмерным, которые
Мирно стоят посредине
Веранды, тихо беседуют
В то время, как я брожу
Из угла в угол,
Перебираю книги друзей
Говоривших мне слова
Неистребимой дружбы,
Непритворной правды,
Непреходящей надежды,
Которые в конце концов
Оказались ровесниками
Наших трехмерных фото.

ЕЩЕ ИЗ КАВАФИ

Тело помнит не только, как страстно его любили,
не только ложе любви,
не только обнаженную жажду любви,
которая следует каждому взгляду
возлюбленных и каждой ноте любовного крика...

Тело следует прежним маршрутам,
Предварившим последнюю радость еще
И последнее горе уже.

Но и эта бездна, которая нас разделила,
Переполнена снами о воспоминаниях или
Воспоминаниями снов.

Было ли все с той же самой,
Которой тело не может забыть
Мое тело?
И постель, уплывшую в реки, проливы, моря
Многokrратно оставленных стран, городов, квартир,
Не отпускает
Память.

То же ль самое тело, помнишь, *резвилось и пело*,
Когда руки мои царапали
Проволочки решетки,
Разделявшей пространство моей свободы
И твоего заключения в гетто условностей?

О, я схожу с ума!
Я не могу разглядеть
В дальних морях, в хороводе квартир, в скачке такси,
Я не могу своей остывающей памятью разглядеть,
Амфору тела возлюбленной и цветы ее глаз, листья волос,
Ниспадавших на теплую глину, которую изваяли,
Чтобы ты сохранилась в памяти о бесконечной любви.

ЖЕЛАНИЕ ЛЮБВИ

Пронзая желанием сферу твоих
Глаз, повторяющих сферу земли,
Падаю, падаю, падаю в стих
Чтобы цветы желаний цвели.

Оглаживая амфору твоего
Тела, повторяющего амфор изгиб,
Пробую плавность моего стиха,
Его законченность, твердость, строй.

Погружаясь в сердцевину твоей души,
Вместившей вселенской материи суть,
Постигаю многомерность моего стиха,
Его способность вместить Божество.

Утирая слезы с твоих глаз,
Бормоча жалелок ребяческих вздор,
Желаю только одного – твоей
Оставленной мне одному любви.

СОЛОМОН НОВОСЕЛЬЦЕВ

Чугунные пики зимнего парка.
Снег закрывает окна до пят.
Плетет деревенская нянька, как Парка
Шарф, варежки, всяческий зимний наряд.

Каждый укол чугуна в забытый
Снегом питерский горизонт
Обозначает за снежной орбитой
Плещущийся дельфинами Эвксинский понт.

Древняя родина Соломона.
Снежная родина няньки его.
Как вам поладить без свары и стона?
Жить – то осталось всего-ничего.

Парка решетки – метафора года
Тридцать седьмого. Блокада. Война.
Школа. Оттепели свобода.
Вязкие брежневские времена.

Гетто «отказа». Римских каникул
Самоирония нищенских дней.
И американских калигул
Гостеприимный елей.

Все предназначено Соломону
В шифре вязальных нянькиных спиц:
Полускольжение по льдистому склону,
Полувхождение в жизненный блиц.

Продвижение в американской
Биржей взвинчиваемой толпе.
И временами тоски эмигрантской
Лед, охлаждающий всякий успех.

Все предначертано в няниных спицах,
Все в устрaшеньи чугунных пик,
Не растерял он в странах и лицах
Ясный поэта российского лик,

Снегом умытый, в ограде возвращенный,
Торивший в жизни свою тропу,
Пиками страшными не устрaшенный,
И полюбивший, как сын, толпу.

ВНУТРЕННЯЯ ЭМИГРАЦИЯ

Максиму

Вот они мои горы, джунгли, прерии.
Все – на белом листе.
С пережатой главной артерией
Выживают лишь те,

Кто способен к воображению,
Неугнетенной мысли движению,
К аберрации буйств, к абстракции,
К внутренней эмиграции.

Мы с тобою такие. Можем зажаться,
Замолчать на десять, сто лет.
Смысл не в том, чтобы умножаться,
Важен неповторимый след.

Мы сожмемся, окуклимся, станем спорами,
Чтобы выдержать космоса вечный гнет.
Перелетим над земными спорами.
Слышишь, метеорит поет?

Это наш корабль эмигрантский,
Загружай тетрадей черновики.
Мы с тобой познаем вселенское братство,
Да без России жить не с руки.

СНЕГ В НОВОЙ АНГЛИИ

Миле

Снег скрипит под моими подошвами
Пятна желтые пахнут пивком.
В ногу тычется белка подохшая.
Я ее отбиваю пинком.

Все обрыдло, осточертело.
Некому слово родное сказать.
И больное, усталое тело
Трудно с глаз посторонних убрать.

О, родная, как это нелепо:
Пробиваясь годами с тобой
Из вонючего мертвого склепа,
Приползти в опустевший забой.

Никому не нужны мы, родная,
Да и нету вокруг ни души.
Только в небе вороньего грая
Похоронная нота страшит.

Так зачем этот снег ненадежный,
Опоганенный местным зверьем?
Словно счет подытожный платежный
За маршрут, что прошли мы вдвоем.

АМЕРИКАНСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Гуляя меж могил на кладбище старинном
Я что-то уловил в послании недлинном:
«Прощай, моя Россия, навсегда.
Тебя я не увижу никогда».

Гранитный памятник звездой шестиконечной
Был осенен. Покой оберегая вечный
Береза старая в белесой бересте,
Как в талесе молитвенном стояла

Внутри ограды. Птица ликовала
Весенняя, внимая на кресте
Моим этнографическим находкам.
Я обратился мыслею к погодкам:

Один был из России иудей,
Другой приплыл из Англии своей.
Так почему, гонимый и бесправный
Мой соплеменник свой последний, главный

Привет к стране рожденья обращал?
Ужели, умирая, завещал
Мне эту связь духовную продолжить,
Чтоб передал ее все дальше, долше,

Чтобы диковинный и несуразный плод
Любви и ненависти, языка и сердца
Родил в стране приобретенной скерцо,
Которое и плачет и поет.

РАСЩЕЛИНА СВЕТА

Когда моя мысль блуждает в тумане,
Пытаясь найти расщелину света,
Приди, помоги мне увидеть в тюльпане
Метафору мая, богиню привета.

Когда я на ошупь читаю Гомера,
Пытаясь постигнуть слепые эпохи,
Верни мне ребяческую веру,
Мудрость открой старика и пройдохи.

Когда я проглатываю провалы,
Как водку дурную глотает мальчишка,
Возьми моих мученичеств алые каллы,
И спрячь на груди, как бумажник – воришка.

Когда в окруженьи пирующих братьев
Я буду захвален, как рыжий Иосиф,
У всех на виду свое тело из платьев
Условностей вызволь, насмешку бросив.

Чтоб вздыбились, оторвались от чанов
Пивных и от винных мехов поотлипли,
А мы уже скрылись в барханах песчаных,
Чтоб братские глотки от злобы охрипли.

МАРТ ОПЯТЬ В МОСКВЕ

Из шкафа достать дождевые плащи.
Накрапывает.
Подмораживает.

Таает.

Ты, дорогая, тоже прочти,
Надпись, которую я почти
Прочесть опоздал в пролетающей стае.

В последний момент по рисунку хвостов,
По абрису крыл, по ликующим крикам,
По радужной вздыбленности мостов,
По наглой веселости Криков и Бриков

Я опознал эту стаю–весну.
В бронзовеющем московском закате,
Чтобы – каждому по веслу,
И – мчаться за стаей – дорогою скатерть!

О, дорогая, это любовь
Птицы пророчат римской пятеркой.
И громовой, грозовой, лобовой,
Сферу околоземную поторкав,
Март возвращают нам вновь и вновь.

Да, подмораживает.
Да, скользим.
Да, падаем на тротуары,
Чтоб глухота эмигрантских зим
Вздыбилась в крыл и сердца удары.

Любовь, ну конечно, это она
На крыльях птиц прилетает в март
Московский, неясный, когда весна
Поет у зимы в подворотне, как бард.

ПРЕДПОСЛЕДНИЙ ВАГОН

Басом поет негритянка,
Ритм задает контрабас.
Жизнь моя, девка-беглянка,
Ты не печалься за нас.

Нынче хорошее время.
Горести позабыв,
Нам негритянское племя
Шлет первородный мотив.

Лихо поет негритянка,
Вторит ей саксофон.

Жизнь моя, американка,
Мой предпоследний вагон.

В этот вагон музыкальный
Куплен плацкартный билет.
В этом вагоне прощальном
Нам закатали банкет.

Грудью трясет негритянка,
Ритм задает контрабас.
Жизнь моя, девка–беглянка,
Ты не печалься за нас.

Мы погудим–погуляем,
Даже споем в микрофон.
Ну, а потом пошагаем
В самый последний вагон.

Там музыканты в ермолках
Будут на скрипках играть.
Аккордеон без умолку
Будет мотив повторять,

Очень веселый мотивчик,
Чтобы забыл я, как сон,
Чтобы забыл я, счастливчик,
Мой предпоследний вагон.

ВЕСЕННЯЯ ТРУБА

Труба завывает в соседнем доме.
На сердце весна и любовь.
Но ты мне скажи, почему, почему
В закате увидела кровь?

Послушай! Труба вырисовывать блюз
Взялась на закатном листе,
Но ты мне скажи, почему я боюсь
Поверить твоей красоте?

Труба заливается за стеной
Коттеджа, в котором живет
Не то домовой, не то водяной,
Лихой музыкальный народ.

У них на двоих, или на пятерых
Камина большая труба.

Читают под музыку старенький стих,
Исхоженный, как тропа.

Как будто бы не было строчек других,
Чтоб музыку эту играть
На всех пятерых или, может, двоих,
И стих на ладонях катать.

Здесь тайна какая–то, магия, что ль,
Так спаян с мелодией стих,
Что каждую клеточкой всякий бемоль
Любовью страшает, как псих.

Любовью закатной страшает и кровь
В подсвечники льет, как вино.
Но алые губы закатных костров
Ему целовать не дано.

Он занят трубой, он трубит и трубит,
Он стих, словно крест свой, несет.
А кто там гостит, и кто там вопит,
Неважно, какой с ним народ.

ПРОДАВЕЦ ГАЗЕТ

Я вспомнил перекресток, где газетчик
По воскресеньям останавливал машины,
Просовывал толстенный «Нью-Йорк Таймс»
Поверх стекла приспущенного бокового,

На тротуаре, около дверей «Банк Бостон»
Пирамидами лежали тела газет:
«Бостон Глоб», «Вашингтон Пост», «Провиденс Джорнал».
Я покупал «Нью-Йорк Таймс». Иногда – и местную газету,
Ориентироваться чтоб в программе телевизионной,

И новостях театров Провиденса. Для куража
Заглядывал в раздел, где объявленья печатались
Работодателей. Примеривался: что если...
И даже обнаруживал позиции, к которым я мог бы подойти.

Газета местная не занимала достойного ей уваженья
В нашем доме. Летели годы. Курс переменялся
В политике. Упали акции. Позакрывались
Научные программы. Та область знаний,

В которой я работал много лет, внезапно выпала
Из поля интереса звездочетов, которые решают,
Кто и какую получит поддержку государства. Я остался
Без средств к существованию. Мне месяц

Пообещали, чтобы я за это время подыскал работу
Или пошел на биржу. Был еще последний выход –
Получать пособие по безработице. Я стал скупать
Газеты на заветном перекрестке. Я стал экспертом

Разделов объявлений о работах. Однажды,
Просматривая тщательно страницы газеты местной,
Я наткнулся на приглашение продавать по воскресеньям
Газеты. Я поймал себя на мысли, что не содрогнулся,

Себя вообразив на перекрестке, необязательно на том, где банк.
Вполне возможно, это будет сквер, или кусок площадки
Около кафе, французской булочной с эклерами и каппуцино,
Или рядом с блинной, местом популярным в нашем городке.

Можно подыскать еще поинтересней штаб-квартиру
Для моего воскресного предприятия: церковный садик,
Вход в огромный супермаркет, автобусная станция,
Музей вааяния и живописи. Я увлекся сооруженьем плана.

Для меня газетчика работа не казалась больше несовместимой
С опытом предшествующей жизни. Я был вполне
Готов стоять среди пирамид еженедельников,
кричащих о политике,
Торговле, спорте, книгах, автомобилях и продаже недвижимости,

Я больше не искал другой работы. Я уговорился.
До конца моей многолетней научной эпопеи оставалась неделя.
Я сложил свои тетради, рефераты, книги. В зале
Читальном я просматривал журналы свежие,

Предполагая, что мы прощаемся друг с другом.
Я вернулся в свой кабинет, который в понедельник
Будет ничьим, как будто овдовеет. Вдруг звонок
Меня вернул к реальности.

МОСТ НАД СТИКСОМ

Пройти по мостику над речкой,
Почерневшей от времени и сумрачной работы,
Увидеть черную струю, которую пока еще
Ты волен миновать, пройдя над или вовсе не.

Вообразив, что маленькая художница
Малюет рыжей кистью
На полотне зимнего воздуха
Признание в любви.

Кто его знает!
Кто познает когда-нибудь
Язык жестов, изгибов, наклонов и нежных покачиваний,
Которыми обмениваются не только люди.

Вот ты долбишь-углубляешь ямку
В снежной коросте.
Это, как дятел – для поддержания жизни?
Это, как дятел – азбука Морзе?
Это, как дятел – передразнивая себя?

Нет, я не буду
Слушать твои слова
Мягкого полуотказа,
Не буду следить за ногой,
Обтянутой мягкой замшей зимнего сапожка,
Не стану принимать близко к сердцу
Упрямое потряхивание твоих волос,
Светлокаштановых ореховых лесных.

Все твои жесты перемешались,
Все твои жесты вышли из под контроля,
Даже твои губы не те произносят слова.

Дай мне прижаться к тебе.
Дай мне прижаться к твоей груди.
Дай мне послушать твое сердце.
Оно не обманет.

INDIAN LAKE

Индийское озеро затянута ряской,
мокрыми листьями, рябью,
Распластано в круге седьмом трясиновых берегов.
Индийское лето в красные клены одето,
Индийское лето.
По-нашему бабье лето.

По нашему календарю осень.
Жаль очень,
Что был таков,
Пляжный летний выпендрей:

Игры икрами и словами,
Кадреж,
Картеж,
Кортеж,
Который спешил к замку великанскими шагами.
Но я был в этот замок невхож.

Это лучше, чем входить в никуда,
Трогать сетку зеленую ряски,
Слушать камышей индейские сказки,
Которые сочинила дрожащая от нетерпенья вода.

Да, между озером,
оставленным на память о древних американцах,
И замком с красной крышей на берегу океана
Есть пространство, заросшее лесом, который душат лианы,
Это пространство для тебя и меня.

Будем пускать пироги из коробков сигаретных.
Будем воображать себя среди вигвамов.
Будем воображать себя среди запретных
Замков и секретных болванов.

Сними туфельку, притронься ногой к дрожащей,
Вибрирующей далеким прошлым воде.
И ты освободишься от такой жалящей,
Такой безжалостной тоски,
которая бродит тенью лета за тобой везде.

ВЫНУЖДЕННОЕ ПРИЗНАНИЕ

Пусть это будет моя вина
В том, что тебя я не удержал,
Как не удерживают от вина,
От издевательств и похвал.

Ты захотела в столичный гул,
Еще бы! Рожденная в центре Москвы
Американской деревни соломенный стул-
Качалку ты предпочла, увы,

Выкинуть мусором на оком
Дороги. И нетерпеливо ждать:
Вместе в шум столицы нырнем
Или будем здесь помирать?

Если б я знал, если б я знал,
Что избавление так легко
Приобрести, я бы первый сказал:
Лети, моя птица, лети высоко.

Там твое небо, где грохот и лязг,
Там твое море, беги на вокзал.
В небо лети из моих аляск.
Если б я знал, если б я знал.

В АВТОМАГАЗИНЕ

Приказчик в автомагазине свищет
Щеглом, наматывая фиоритуры
На колеса, которые придавливают коврик.
Как придавливает любовница партнера.

Приказчик свищет в ожидании минуты,
Когда войдет красотка с адвокатом.
Они вчера звонили. Они вчера решили,
Они вчера договорились о покупке.

Приказчик свищет, как щегол,
Он завтрак съел в кафе французском
Он подсчитал процент с продажи.
Процент неплох. Автомобиль

Стоит на матах, как король.
О, нет, на цыпочках стоит,
Как примадонна. Мат расцвечен
По образцу ковров персидских.

Персидской матрицей для матов.
День матов и розовошек.
Приказчик свищет, ждет процентов,
Глядится в зеркало витрины.

Автомобиль стоит, как model,
Или красотка в кабаре.
Хозяин ходит, бог и маг,
«Альфа-Ромео» вся сияет.

Красотке он ключи вручает,
Она целует адвоката.
Приказчика, как будто брата,
Хозяин тоже обнимает.

Что это за пустынные пространства, которые рекомендуется
Проскочить, не рассматривая,
Потому что рассматривать фильмы ужасов неприлично,
Когда ты пересекаешь резервацию нищеты
Направляясь к морю.

Что это за чувство змеиной тоски,
Которая душит тебя, как питон, как анаконда, как потеря
работы, дома,
Семьи, надежды.
Скорее, скорее, скорее
Миновать эту пустыню мира.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ПЕРВОЙ КНИГИ СТАРОГО ПОЭТА

Двадцать лет назад,
На улице Герцена,
В Доме Медработника,
Он ходил по залу
И раздавал гвоздики,
Подаренные ему
За долгие годы
Ожидания этого счастья.
За каждый год по гвоздике.

Он читал стихи
Голосом Бурлюка/Маяковского/Багрицкого,
Слушал пристойную, произнесенную к случаю
Речь своего тезки,
Которого ждали
Книжки стихов
Во всех подворотнях Москвы,
Еще до того,
Как он их отдал
Своей первой машинистке.

Такова ирония судьбы:
Учитель гения
Изображает ученика
Гениального проныры,
Чтобы новорожденная книга
Не померла после родов
От рук государственных головорезов.

Потому сгибался,
Поглядывая в глаза проныры,

Потому выпрямлялся,
Глядя в глаза публики,
Которая ждала эту книгу столько лет,
Сколько красных гвоздик
Ей вернул старый поэт.

УТРЕННЯЯ ФЛЕЙТА

Куда мы едем по утреннему шоссе?
Флейта поет по радио.
Кони пасутся на ферме.
Люди идут со стаканчиками кофе.
Куда?
Куда мы едем?
Куда идут люди?

Сегодня суббота.
Хорошие евреи идут в синагогу.
Хорошие христиане завтра пойдут в церковь.
Какие мы?
Куда мы едем?
Зачем люди ходят в синагогу и церковь?

Зачем несут стаканчики с кофе?
Белые, как воскресные розы.
Белые, как праздничные ермолки.
Идут в синагогу или в церковь.
Несут белые стаканчики с кофе,
Прикрытые пластмассовой крышечкой
С хитроумным отверстием:
Можешь прикладываться на ходу.
Можешь ехать, слушать утреннюю флейту,
Прикладываться к розе/стаканчику,
И не прольется ни капли.

Куда мы едем по утреннему шоссе?
Какой это город?
Откуда здесь флейта?
Куда эти люди:
В шляпах, ермолках, с белыми розами
И пластиковыми белыми стаканчиками,
Над которыми вьется елей кофейных рощ?
Куда они?
Куда мы?

Зачем эта нежная флейта,
Которая рисует перышком звука

Берег моря, два обнаженных тела,
Плавки и купальник на песке,
Чайку в небе,
Шоссе и автомобиль,
В котором едем
Мы с тобой.
Куда?

ИЗ ХЕМИНГУЭЯ

- Мы с тобой в этом баре в последний раз.
- Всё равно ты вернешься, любимый.
- Ты меня предала. Мы в последний раз.
- Все равно ты вернешься, любимый.

- Эй, бармен, принеси нам счет, мне пора!
- Подожди, хоть немного, любимый.
- Ты с другим развлекалась. Настала пора...
- Рассчитаться успеешь, любимый.

- Ты с другим развлекалась... в постели, где мы...
- Так случилось, к несчастью, любимый.
- В той же самой постели... на грани зимы...
- Так случилось, к несчастью, любимый.

- Если кто и несчастлив, то я один.
- Мы все трое несчастны, любимый.
- Ты хотела вышибить клином клин?
- Я судьбу пытала, любимый.

- Эй, бармен, где там счет? Я спешу! Ты напрас...
- Я смертельно ошиблась, любимый.
- Я убью его, надо б обоих вас...
- Пощади его, мой любимый.

- О пощаде ты просишь меня для того...
- Это я виновата, любимый.
- Почему ж не просила ты у него?
- Я любовь пытала, любимый.

- Эй, бармен, себя сдачей не утруждай.
- На любовь уповала, любимый.
- Ты любви изменила. Навеки прощай!
- Пощади нас всех, мой любимый.

СТЕНА

По модели Великой Китайской Стены
Мы навеки разделены.

ТЕПЛОЕ ТЕЛО ЛЮБВИ

Никто никого не может заставить любить.
Не может заставить, уговорить, обязать.
Эта усмешка бедра, эта эротика рта
Могут увлечь, опьянить, вывернуть руль

В улочку, где кирпич запрещает въезд.
Только тем, кто сюда переселился – пожалуйста!
Только тем, кто махнул рукой на любовь – пожалуйста!
Ты еще можешь успеть сделать крутой разворот,

Ты еще можешь вернуться в дом, где жила любовь.
Ты еще можешь открыть двери и отключить
Сигнализацию. Ты еще волен былой
Любви пользоваться секретами.

Ты еще можешь позвать, как домашнюю кошку,
Теплое тело любви, спрятавшееся в углу,
Спрятавшееся от страха, спрятавшееся от стыда,
Спрятавшееся от горя. Теплое тело любви

Плачет сухими слезами. Где оно? Почему
Не выбегает к тебе? Где оно? Почему?
Прячется от тебя? Или оно ушло
Теплое тело любви? Вылезло через трубу?

Выплыло через антенну, облаком распластав
Лапы, шею, хвост. Или оно ускользнуло
Рыбой, лягушкой, змеей, сбросив до этого шкуру,
Став, кем угодно, кроме теплого тела любви.

Ты еще можешь отчаянно перелистать
Платья. Ты еще можешь успеть кожуру
Апельсина отбросить, одеяло сорвав с постели,
Пошарить под простынями, подушками, под матрасом,

Может быть тело любви съежилось, стало малой
Долей того, что было, но всё равно существует,
Как существуют в жидком азоте замороженные зиготы,
Как существует застывшее в ужасе и надежде

Теплое тело, тело любви, теплое тело любви,
Теплое тело любви, теплое тело любви,
Теплое тело любви, теплое тело любви,
Теплое тело любви... теп... ло... лю...

ФОРМА ЯБЛОКА

Форма яблока: солнце, земля, женщина.
Я влюблен в эту форму.
Она совершенна.

Она греет, дает жизнь, возбуждает.
Она истекает соком.
Форма яблока.

Полуорбиты груди.
Яблоки ягодиц.
Белый налив лица.

Дай мне тебя сорвать.
Дай мне вкусить твой сок,
Дай мне, дай мне себя,

Яблочная моя,
Солнечная моя.
Моя земная любовь.

ДАВИД САМОЙЛОВ В ПЯРНУ

Справа от дома был мол.
Слева от дома стыл пруд.
В доме под музыку Баха стол
Плыл среди рукописей груд.

Дети играли перед крыльцом,
Петя и Паша – апостола два.
Стол со стихами плыл в облака.
Он сидел с обреченным лицом.

Почту свежую разбирал.
Тучи подстрочников разгонял.
Стол со стихами плыл в облака,
Он рассудил: Пока

Пляж и восход – до времен других!
Вокруг пруда прогулку – забыть!

Музыку всякую отключить,
Чтоб обнажился стих.

И отправляется в облака
Стол со стихами, туда где мол
В море апостольский бычит лоб,
Там, где Пярку-река

В море несет бытовщины гроб,
Чтоб в небеса – из комнаты стол,
Чтоб в повседневности не остыл
Чистой поэзии пыл.

НА ЗАБРОШЕННОЙ МЕЛЬНИЦЕ У КОЛДУНЬИ ВЯЙКЕ ЛУБЕ

От плотины осталась запруда.
В ней резвились ручные язи.
Не такой я невера-зануда,
Ты разрушить любовь не грози.

Я готов в эти сказки поверить,
Я колдунье доверить готов
Все, что рыбы, и птицы и звери
Открывают ей знаками слов.

Я хочу изучить эти знаки,
Чтоб жена понимала меня,
Как скулеж оскорбленной собаки,
Или плач на болоте луны.

Я колдунье готов обнаженно
Сердце на руку положить,
Чтобы ночью лучом отраженным
Птичий лепет жены обнажить.

Что он значит, скажи мне, колдунья?
Что во сне распевает жена?
Не стесняйся, ночная летунья,
Мне конечная правда нужна.

Я принес тебе хлеба и меда,
Если хочешь, рублем заплачу.
За ответом до небосвода
На метле я с тобой полечу.

Может слышу не птичий, а звездный
По ночам непонятный мотив?
Или лепет отчаянный, слезный?
Или страсти сокрытой прилив?

Я отвечу жене: не терзайся.
Я отвечу: во сне не таись.
Изменяй, увлекайся, влюбляйся,
Ни меня, ни себя не стыдись.

Это сказки ночные полеты,
Это вольность отчаянных снов.
Не таись своих радостей, что ты!
Не стыдись своих горестных слов.

Это древность поет и лепечет,
В твою жизнь приходит по ночам.
Это древность колдует и лечит,
И несет примирение нам.

ГАРРИ КОННИК (МЛАДШИЙ) И ЕГО БЛЮЗЫ

Эх, шикарно играют в Нью Орлеане!
Тромбон, саксофон, труба.
Гарри Конник (младший) на фортепьяно
Поет и лоба...

Он лобает на фортепьяно и в микрофон поет.
А ударник подбрасывает дрова в костер и жару поддает.
Гарри Конник (младший) поет и играет блюз.

Тромбон, саксофон и труба смывают едва заметную грусть,
Даже не грусть, а мелодию навек отлетевших дней,
Когда во Французском квартале было чуть-чуть веселей.

Когда на трубе распевал молодой Армстронг,
Когда закон на допинг не был так строг,
Когда на каждого джазмена был свой пирог.

Ты пытаешься, Гарри Конник (младший)
Делать вид, что все О.К.
Ты лобаешь мотив пропавший

Даже прежних дней веселей,
Когда гремел дикселенд над Нью Орлеаном,
Когда гонял по стене шапито мотоцикл-харлей.
Когда в воздухе пьяном летала мелодия «Черных очей».

ХУДОЖНИК ЮРИ АРРАК В ТАЛЛИННЕ

Неподалеку от Толстой Маргариты
Кафешка художников открыта.
Толстая Маргарита – башня городской крепости,
Необычайной привлекательности и крепости.
Толстая Маргарита – ласковое похлопывание
По заднице барышни-крестьянки,
Пример фольклорной
Самозванки, самоизгнанки, самоизнанки и самобранки.

Мы сидим в кафешке,
Пьем «Вана Таллинн»,
Грызём орешки.
Послушай, брат, говорит Юри.
Я хочу перейти к раскрашенной скульптуре.
Я буду раскрашивать фигуры,
Красками, взятыми из природы.

Юри иногда вставляет в русский язык слова,
Займованные из латыни,
Он рычит громче льва,
Хохочущего в пустыне.

Итак, продолжает мой друг-художник,
Берем железный треножник,
Вставляем в него бревно,
Из бревна вырезаем лицо Мадонны
И статуя готова для хулы и поклонов.
Приглашаем публику.
Покупаем водку и вино.
Так в мире художников заведено.

А лев, пустыня и Толстая Маргарита?
Юри смотрит на меня, скорее насмешливо, чем сердито:
Куррат со всеми этими промежуточными предметами!
Запасемся метлами, петардами и кометами,
Полетаем вокруг Толстой Маргариты и Старого Томаса
На метлах, петардах и кометах без карты и компаса,
Пока не свалимся под стеной городской крепости без чувств
Во славу искусства ради искусств!

АННА АХМАТОВА И МОЛОДОЙ ПОЭТ

Слава приходит утром.
Солнце проходит утром через лапы сосен.
Дачники проходят мимо:

Или это рев возмущенной толпы?
Толпы, которая вас ненавидит?
Ведь вы всю жизнь презирали толпу.
Вам хотят отплатить с лихвой.
Ненависть разве это не слава?
Разве это не слава, когда есть Пушкин?

В ПАРИЖЕ

Они стоят спиной ко мне:
Три молоденьких француженки
В белых шерстяных костюмах (юбка/жакет)
И белых шляпках с фиолетовыми подснежниками – спиной.

Одна в голубом пальто и желтой шляпке с высокой тульей
И фиолетовой лентой – вполоборота.
Пятая в джинсах, свитере и черном берете набок – лицом.

Все они стоят под высоченным каштаном с апрельскими
Пытливими листьями
И белыми фонарями цветов.
Все они слушают музыку каштана.

Все они слушают
и болтают на непонятном для меня языке юности.
В переводе на французский,
Тоже непонятный.

Трое в белых костюмах – я вижу их плечи – хохочут.
Та, которая в полоборота –
рассказывает что-то очень смешное,
Ее удлиненный носик следует за вздернутой верхней губой
И левой рукой, которая дирижирует носиком
И пучком каштановых волос,
вылетевшим из-под желтой шляпки.
Она очень хороша!

Пятая в джинсах и свитере, с черным беретом набок,
Вполслуша внимает веселому рассказу желтой шляпки,
Хохоту белых костюмов (юбка/жакет),
Покачиванию фиолетовых подснежников
И подпрыгиванию пучка каштановых волос,
Перетянутых красной резинкой.

Пятая в джинсах и свитере, с черным беретом набок
Смотрит на бульвар,

Поезд в Мадриде, взорванный,
как хлоплушка с красными конфетти
Оторванных рук, ног, голов.
За что?

Младенец в коляске в центре Иерусалима,
На виду у Старого Города
С церквями, синагогами, мечетями,
Еврейский Младенец, разорванный бомбой арабской матери,
У которой в Газе остались двое сирот.
Бомбой арабской матери,
клетки которой смешались с клетками Еврейского Младенца,
Чтобы вместе улететь в рай Моисея, Христа, Магомета.
За что?

Но ведь это мы сами взрастили
дерево терроризма с ядовитыми Плодами-бомбами.
Это мы породили террористов-революционеров,
Которые покушались на жизни царей и вождей.
А нынче не брезгают и простыми смертными.

Это мы захлебывались от восторга,
читая о романтиках-убийцах:
Софье Перовской, Вере Засулич и Александре Ульянове.
Это мы в том же самом Манеже
Проливали слезы умиления и восхищения
Над картиной «Казнь народовольцев».
Это мы публично защищали «Черных пантер»
и Анджелу Дэвис.
Это мы гордились героями-террористами
молодости Бегина и Визеля.
Это мы зачитывались мемуарами Леона Троцкого,
духовного отца
Красных бригад/палестинских террористов,
угнавших самолет
С евреями-заложниками в Уганду.
Это мы, это мы, это мы.

КИНОШНАЯ СЕРИЯ ПРОВАЛОВ

Киношная серия глупых провалов, еженедельных,
По сценарию, который сочинил я.
Некого винить.
Серия номер эн плюс бесконечность.
В компьютере не нашел значка бесконечность,
вообразите восьмерку на боку.

ЖЕНЫ КОРОЛЯ ГЕНРИХА

У первой жены был шлейф из пурги.
Пургой замело Белорусский вокзал.
Она завернула в шлейф пироги.
Он шлейф в два узла завязал.

Вторая жена укатила в Париж.
Кататься верхом в Булонском лесу.
Каштановый лист, длиннопал и рыж,
Она прислала ему в письме.

А третья жена пирогов не пекла,
Не знала дорогу в Булонский лес.
Она на кладбище принесла
Тяжелый могильный крест.

ПО НАПРАВЛЕНИЮ К МОРЮ

Хорошо идти вдоль реки,
Которая с правой руки
Течет по направлению к морю
Географии вопреки.

Хорошо сделать привал.
Но если ты переврал
Ориентиры маршрута,
Ждет непременно провал.

Хорошо забрести к рыбакам
В деревушку, где по бокам
Перевернутых лодок сети
Сохнут, и где рукам

Лишним рады, когда идет
Рыба, как ледоход,
Рыба – из моря в реку,
А не наоборот.

Хорошо поселиться тут,
Где не пашут, не сеют, а жнут,
Коль тебе на роду написан
В направлении моря маршрут.

АМЕРИКАНСКИЙ СТУДЕНТ

Он пересекает улицу, примыкающую к Университету.
Пересекает по кривой.
С голубым рюкзаком, в бежевой вязаной шапочке,
Он пересекает университетскую улицу.

Пересекает по кривой,
Пинает пустую банку из-под кока-колы,
И она летит – красный самолет,
Описывая дугу,

И звеня/громыхая, как мерзлый конский навоз
Из раннего стихотворения Шкляревского,
Опускается на асфальт, подпрыгивает,
Ползет на брюхе, переворачивается,

Пока не утихнет около бордюра.
Этот студент – мой сын, Он несет в голубом рюкзаке
Романы Набокова и Хокса (по-английски)
И стихи Сапгира (по-русски).

Улицу пересекает длинноногий студент с красным рюкзаком
Это друг моего сына. Он несет в рюкзаке
Романы Набокова и Хокса (по-английски)
И стихи Петефи по-венгерски.

Еще один студент, смуглый и белозубый,
со стаканчиком кофе

Пересекает улицу.
В его зеленом рюкзаке
Романы Набокова и Хокса (по-английски)
И рубаи Омара Хайяма (по-арабски).

ИОНА

Человек идет спиной к дому,
Голова его повернута к морю.
Человек с женой навек простился.
Бог послал его по направлению к морю

Слово передать непознавшим.
Голова его повернута к морю,
А душа его направлена к Богу.
А жена его оставлена дома.

Человека дом в Иерусалиме.
Там, где главное становище Бога.
Человек идет к морю, к морю,
Донести за море – Слово.

На пути его Ниневия-город,
И не меньше Иерусалима,
Где жена человека осталась,
Где главное становище Бога.

А в Ниневии жены–блудницы,
А мужи погрязли в разврате.
А жена его в Иерусалиме,
Где становище главное Бога.

Память не положишь в котомку,
Слово не запишешь дословно.
Видишь, будто жена здесь, рядом.
Слышишь, будто Бог произносит.

Увидали Ниневии люди
Чистый лик жены в глазах Ионы,
Прочитали по губам Ионы
Слово, незаписанное, Бога.

А Иона – голова его к морю,
А Иона – спина его к дому,
А Иона – душа его к Богу,
Видит берег, корабль и матросов.

Впереди – моря за морями,
Города, где потеряно Слово.
Голова его повернута к морю,
А жена его оставлена дома.

ТОЛСТОЙ, ДОСТОЕВСКИЙ, ЧЕХОВ

В Туле или Петербурге,
В Крыму или Сибири,
В сублимированном подобии земного рая
Они беседовали о смысле литературы.

Толстой сказал:
Поведать о патологических ситуациях
в нормальном обществе.

Достоевский сказал:
Изучить нормальные характеры
в патологическом обществе.

Чехов сказал:
Написать про жизнь моих современников.

К примеру,
Анна Аркадьевна,
сказал Толстой.

К примеру,
Настасья Филипповна,
сказал Достоевский.

К примеру,
Ольга Ивановна,
сказал Чехов.

Толстой оглянулся:
Тсс! Софья Андреевна!

Достоевский крикнул:
Обожди, Анна Григорьевна!

Чехов кашлянул:
Как ты там, Ольга Леонардовна?

Ангелы летали вокруг писателей.
Ангелы с одинаковыми лицами.

Стоило таиться?
Сказал Толстой.

Стоило проигрывать?
Сказал Достоевской.

Стоило ждать,
сказал Чехов.

НОЧНАЯ ЦАПЛЯ

Мы приходили к морю по ночам,
Когда толпа гулявших исчезала,
И музыка прибрежного курзала
Не отвлекала нас по мелочам.

Мы шли вдоль берега. Вода касалась стоп,
Отталкивая и предупреждая.
Был воздух мексиканский, как сироп
Невиданных плодов. И звуки лая

Пульсировали в черноте ночной,
Обозначая рыбаков поселок.
Гигантская цикада за спиной
Разыгрывала скерцо. Побасенок

Моих наслушавшись, ты показала мне
На море, а вернее, ткнув в чернильный
Мрак палец свой, сказала: в той вине
Ты не виновен. Это рок всемогущий.

Он пред тобой и по ночам и днем,
Как эта цапля белая. Вначале
Увидел черноты безмерной окоем
В нем лодки силуэт. Не замечая

Моих невнятных бормотаний, мол,
Какая цапля? Все воображенье!
Ты, обойдя торчащий стрелкой мол.
Произвела прощальное движенье

Своей рукой и побрела туда,
Где я, напрягшись волею и зрением
Увидел белое пятно. Вода
Покачивалась. И ее движенье

Скорее было символом тоски
И вечности. Да, да! Тоска есть вечность.
И цапля белая. И ночь. И колоски
Прибрежных камышинок. Бесконечность

Была еще страшнее, чем тоска.
Она лежала над ночным заливом.
Но ты вернулась. И твоя рука
Мне на плечо легла. И ты счастливым,

Давнишним голосом от моря увела,
От белой цапли, от тоски безмерной,
Обратно к жизни, где долги, дела
И мирра аромат и запах серный.

Провиденс, США, 2004.

НЕКОТОРАЯ СТЕПЕНЬ ТОСКИ ПО МЕССИИ

ПЛЯСКИ ХАСИДОВ

Даже хасиды, когда они пляшут,
плачут, напившись веселого спирта,
брызжут огнями кривляний и слов.
я вырываюсь из тяжелых снов:
где ты? спаси! дай мне ветку мирта,
чтобы отбиться от мерзких козлов.
где? по каким окрестным дорожкам
вселенной ты бродишь,
в мой сон не приходишь,
не прогоняешь убийц?
я по товариществу тоскую.
нам бы начать дружбу мужскую.
ты отвечаешь: влюбись!

ЛЕПЕТ БОГОВ

Что он лепечет, лопочет, бормочет,
не может внятно произнести
имя, которое пьет из горсти.
почерк корявый речи слюнявой
как бы не прочитать!
как бы пройти стороной, притвориться:
чучело это?
заморская птица?
или нечистый тать?
господи, как бы мне промахнуться!
весь океан для тебя ухоблюдец,
негде фелюге рыбацкой пристать.

НЕКОТОРАЯ СТЕПЕНЬ ТОСКИ ПО МЕССИИ

Некоторая степень тоски по мессии
дополняется суетой сует.
кувшины не могут стоять пустыми:
винцо подавай на обед!
не за тем древние глину месили,
чтобы ты, передернув плечами,
сказала: нет!
я предполагаю причину печали
в том, что мессии потерян след.
он пришел и ушел,
у каждого свой,
покачал плечами,

покрутил головой:
«я здесь незванный, чужой».
ну, подумай сама: в желтый день у залива,
в синий солнечный день,
в зеленый мохнатый день балтийской сосны,
он пришел и прошел мимо
нас,
оставляя следы-челноки,
почему я сказал: он пришел и прошел мимо
нас?
он пронес
посох свой над твоим золото-сине-зеленым телом,
он прошаркал над моим перезрелым.
о, конечно, возможно вполне,
что на остроносой волне
он уплыл навсегда.
твой мессия.
мой мессия.
у каждого свой.
я у тебя
твой.

Я – ТВОЙ ЕВРЕЙ

Когда замерзну окончательно,
прильну к тебе: ну, отогрей,
забудь шагов моих зайчатину.
я – твой еврей.
а это значит, мне обещано
грешить и трусить за людей.
приду к тебе: о, моя женщина,
я – твой еврей.
в тебе загублено достаточно
навязанных судьбой страстей.
освободись от правды карточной
я – твой еврей.
я осознал: в тебе заложена
надежда вековых корней.
страшусь в себе мессии ложного.
я – твой еврей.

ЗАКАТ

Три пальмы качаются на закате,
который розов и синь,
как фламинго в гостях у дельфина.
ты меня кинь,

как бутылку, в море эгейское.
там, где афины возносят акрополь,
ты увидишь, кроме бутылки зеленой,
розового фламинго
и голубого дельфина –
розово-синий закат,
где три пальмы
перебирает пальцами ветер,
как три лиры.
продолжай свое путешествие,
не отталкивай меня веслом
неудовольствия!
дело в том,
что я пытаюсь родить аксиому:
пока одна душа (твоя)
притягивается другой (моей),
мировой океан не способен
к убийству.

ЕСЛИ

Если откашливаться изо всех сил
можно выкашлять душу.
тело выйдет на сушу,
отряхнется, как вымокшая собака,
и побежит обследовать необитаемый остров.
тело будет пересекать необитаемый остров,
который станет еще более необитаемым,
потому что выкашлянная душа
останется высыхать в прибрежном песке,
как желтая медуза.
скажем: как желтая медуза,
прибитая к берегу.
поскорее, поскорее скинь монашеские вериги,
скрученные из узловатых коричневых водорослей.
поскорее, поскорее превратись
в афродиту, лилит, еву, айседору, шехерезаду,
мою незабвенную маму.
поскорее, поскорее выжми себя из себя, излей, отворись
прямо на медузу
моей души,
прикоснись лучиком крови, урины, слизи к священной медузе –
знаку моего бессмертия.
видишь – она шевелится?
слышишь – она лает?
чувствуешь – она лижет?

жалеешь – она скулит?
радуешься – она переползает
в тело бездушной собаки?
рваной гиены?
высохшей тоски по дому?
оседлай меня,
стань европой,
мы – дома
мы – ашкенази.

БИБЛЕЙСКИЕ СЮЖЕТЫ

Итальянским художникам было легко
рисовать мадонну с младенцем:
триста тысяч первых христиан перенесли
еврейские гены в италию из палестины.
сколько моделей переселилось!
в кривых переулках флоренции
шли навстречу старики
в коричневых мешкообразных пиджаках,
в хурритских кепках,
в носатых лицах
и с печальными глазами цвета корицы.
я не знал итальянского, если забыть о дежурных словечках:
siao! buon giorno! buona notte!
был полдень, вполне голубой над крышами,
которые сходились трапецией наверху,
не пуская итальянское солнце,
создавая эффект молельного дома.
один из стариков замешкался,
начал вглядываться в мое лицо,
засовывая в мешки подглазий мою одежду
и там изучать, как старьевщик.
он узнал во мне мессию?
мне поручено вывести его из полутемного переулка?
мне поручено погрузить его на корабль?
мне поручено вывезти его в палестину?
он столько веков тосковал по мне, молясь в церкви.

СЕСТРЫ

Американки-девочки
одна милей другой
хохочут надо мной.
одна – отставленной кокетливо ногой,
другая – щекой и верхней губой.
я русский юноша

чуть старше двадцати
пытаюсь на них произвести
впечатление
бонвивана,
эрудита,
светского льва
чтением
рильке
в оригинале.
я русский юноша.
мне нравятся:
их смех,
их ноги,
бедро,
грудь,
губы.

ВЕРНУТЬСЯ В СОРРЕНТО

Миле

Ты хочешь вернуться в сорренто,
в сорренто,
где каждая крыша
бездельем согрета,
где бирюзовое лето?
но песенка спета,
и сладкий мотивчик
несется вдоль моря,
как автомобильчик.
и нету
у скорости-страсти
запрета.
помилуй!
ведь скорость – корысть
гордеца.
не плачь и не прячь
золотого лица.
ты плачешь,
а слезы текут на затылке
вином собираясь в болтухи-бутылки.
ты вся – виноградной лозы
двойник,
я любви твоей вечный должник,
твой денник.
склонись, перекинись,
лозой опоясай.

ждемся мы звездного пляса.
тебе, перекинутой за спину,
место найду,
с русалками в петергофском пруду,
где леший строгаёт дуду.
но как же сорренто и красный фиатик?
из черни тирренского в синь адриатик?
но как же два розовых полукрыла,
которыми ночь расцвела?
да, это альбом с фотоснимками жизни в италии:
амуры летали,
лемуры скакали.
и эти детали
так много сказали,
что твой чемодан на московском вокзале
уплыл за моим на фелюге в сорренто,
где вечное лето
любовью согрето,
где нет от желанья и страха
секрета.
ужель наша песенка спета?

ЗЕЛЕННЫЕ ПОРУЧНИ МОСТА

Зеленые поручни моста
над захлавленной речкой.
заброшенные места,
забытые словечки.
и леший, не менее зелен, чем мост,
пророчит норд-ост.
мессия фольклора,
пророк сенокосной поры,
зачем поволок ты русалку?
ей не до лешейской игры.
она захотела людскую любовь испытать:
влюбляться, страдать, ревновать
и дочек-русалорусочек рожать.
ей косы из водорослей обрыдли,
ей хвост ненавистен – попробуй его растопырь!
весной женихаться прикатят:
лешак, водяной да упырь.
катись же ты, леший,
бессменный жених,
ко мне гармонист голосистый приник.
я видела, леший, мой вещий сон,
я слышала, леший, мой девичий стон.

А МОЖЕТ БЫТЬ?

А может быть в птичьих глазах,
привыкших смотреть с высоты,
мы выгядим по-другому?
поставь статуэтку венеры
а рядом воткни карандаш.
с балкона увидишь кругляш
и пуговку:
я и ты.
каким же почтеньем почтят?
каким же прозреньем прочтут?
каким же презреньем пронзят?
каким же призреньем простят?
а если и прилетят – нечаянно заклюют.
ну, как же с такой высоты?
тогда вся концепция – бред!
и ложь – венки и цветы,
и нож – лотерейный билет.
не надо (кому?) наблюдать
за мной и тобой с высоты.
не надо (кому?) прилетать
туда, где поверила ты,
что он,
иль она,
иль оно
в нас загодя воплощено.
пока мы с тобою одно –
кувшин, черпак и вино.

НОВОГОДНЕЕ

Мы с тобой родили сына
в давнем городе, в хлеву.
сеном хрупала скотина
и звезда зажглась во лбу.
три служаки появились:
шамес, кантор и раввин,
Божьим именем божились:
будет Божьим светом сын!
он укажет вам дорогу
за моря и за леса.
привыкайте понемногу
верить в чудеса.
город, хлев, друзей, скотину
кинув,
мы с тобой

побрели вдогонку сыну
с голубой звездой.
с той поры бредем в пустыне,
ноги в синяках.
я взываю: где мы, сыне?
небо в облаках.

Я УЖЕ НИЧЕГО НЕ ХОЧУ

Я уже ничего не хочу,
никуда не лечу.
взятки собраны.
я обратную подать плачу.
а бывало казалось: мне все по плечу.
я подковой сгибал убегающий поезд,
я ловил уносящий любимую лайнер.
время тиши пришло, теперь успокоюсь.
время выть на луну и на тень свою лаять.
мне уже ничего от пророчеств не надо,
осыпайте звездную пыль, гороскопы.
помню черное море и кисть винограда,
и большой теплоход, уходивший в европу.
о, тогда мы мечтали, и звезды мерцали,
и вода закипала у стенок причала,
ты губами дрожащими отрывала
виноградины-слезы и слезы глотала.
о, тогда мы мечтали, чтоб звезды мерцали
нам с тобой на далеком, как звезды, причале.

В РЕСТОРАНЧИКЕ НАД ОКЕАНОМ

*Я сидел у окна в переполненном зале.
Где-то пели смычки о любви.*

А. Блок «В ресторане».

В ресторанчике летнем играла веселая музыка.
мы сидели вдвоем далеко от оркестра около акваринума-окна.
на песке между темной водой и окном
бугрились снопы океанского мусора,
ковырялась в растениях влажных бессонная чайка одна.
я тебя пригласил подхватить разухабистый танец с фигурами,
рисованьем которых был зал до того увлечен,
что почти не заметил, как чайка,
пройдясь над растеньями бурыми,
обнажила корзинку с младенцем,
которому снился египетский сон.
зал не видел,

оркестр наяривал польку,
зал не видел корзинку
или что-то похожее, впрочем, не о музыке речь,
или что-то похожее на корзинку с младенцем настолько...
ты рванулась из зала, о только б мессию сберечь.
но пока пробегала по улиткообразным ступеням,
вышибая подносы, сбивая стаканы, взрывая бутылок толпу,
негодяйка-судьба взыскала давнишнюю пеню,
белопенной волной на песке обозначив тропу.
ни корзинки (это с хлебом корзинка!),
ни младенца египетского
(это чайка копошилась в океанском дерьме!)
ты вернулась за столик.
тебе не в новинку!
посмеяться над собственной шуткой
(оказаться в домашней тюрьме).
да какая корзинка!
ты прав: это чайка, и волны прибоя.
да какой там прибрежный песок!
это улицы провинциальной асфальт!
да какая там Книга!
да какой там младенец египетский!
это наши скитанья с тобою
по житейской пустыне, где пророчества – чистая фальшь.
31 декабря 2005

ПУТЕШЕСТВИЕ СО СЛОНОМ

Если забраться под брюхо слона,
получится храм-шатер.
можно отправится хоть куда,
без компаса и без шор.
а спина будет крышей,
а подбрюшье надежной нишей.
можно храм походный вообразить;
с четырех сторон амулеты-мезузы повесить,
семисвечник на крыше слона водрузить.
прежде, чем отправиться, надо решить –
куда?
прежде, чем решить – куда?
надо определиться: где мы?
оказывается: мы везде.
слон трубит в свой пожарный шофар:
оставаться на месте – наша судьба.
катится по биллиардному полю желтый еврейский шар,
везде нас сопровождает молитва, гульба и пальба.

КОЛДУНЯ

Посреди эстонских лесов,
болот и вересковых кустов
был когда-то заброшенный пруд.
или зарубки памяти врут?
здесь жила-поживала
колдунья в дупле.
над прудом летала
на черной метле,
как пчела
на черной игле.
мы узнали колдунью в глухие года,
из которых, казалось, не выбредем никогда.
подавала колдунья
зеленую руку
и приводила к дуплу
дуба иль вяза.
мы поверили сразу,
что это окно в заоблачный мир,
где наши жалобы будут услышаны,
как жалобы, засунутые в щели между камнями
в стене плача.
время летит, жалобы пряча.
время летит, жизнями плача.
время летит, любовью дурача,
время летит, доверие трача.
время, разменянное на пустыки.
капли меда, как медные пятаки,
сладко заглатывать дуплами рта.
вся эта бедная суета
верой в чудесное называлась.
ничего, ничего не осталось
от плотины, пчелы, дупла и колдуни.
вот ниагара, вот струи-падуни.
черные белки
вместо огнистых.
значит, колдунья, сквозь дырку дупла
в мир двойниковый нас провела.

МУЗЫКА НЕБЕС

Piano concerto #23
исполнялось в день рождения моцарта.
ну, пожалуйста, не смотри
на меня печально.
бемолькой мечется

нота-слезинка,
и праздник – был да сплыл.
эй, дирижер, оборви движение
неземной музыки грусть и пыл,
ангельское пение.
это ль не знак,
посланный к нам
две сотни лет с небольшим из вены,
чтобы возрадовался зряк и злак
и оскандалилась измена?
ну же не плачь, моя жена,
моя возлюбленная единоверная.
это январская ночь пьяна
тем, что звезда полыхает северная.
ей подпевают: лесов клавесин,
рояли полей и струны волокон,
которыми я привязан один
к единственному пенящимся любимым локонам.
правильно сделал моцарт, смешав
радость небесную с вечной печалью.
станет еще драгоценней сплав
нотки-тоски с бесконечной далью.

1/28-29/06

МАНЕРНЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Деревья в лес
идут спиной,
как будто смоляной
глазок
пролез,
а был под шкурою-корой до этого запрятан.
или глаза-опята
хотят поговорить со мной.
деревья говорят листвою.
мне кажется, закон глухой
на этом побережье принят:
услышат и молчат,
глядят из дома-башни.
деревья говорят зарей,
горят зарей,
почти вчерашней.

УЛИЧНЫЙ ГУЛЯКА

Принц кружит по улицам спящих фив.
он бросил доступных дворцовых фиф
евнухам на присмотр.
он знает, что нынешней ночью знак
на косяках еврейских лачуг
поставит отряд фараонских писак –
красный кровавый круг.
в одном из домишек мальчик рожден,
мессией быть наречен.
благостной матери чужа стон,
беснуется фараон.
что делать принцу-гуляке с собой?
как распорядиться судьбой?
забыть на вечер
дымный «балчуг»,
где ждет свежайший сычуг?
гуляка пешит за кругом круг
в дебрях еврейских лачуг.
желтые звезды срывает с дверей
гуляка царских кровей;
топот сапог торопит: «скорей!»
осточертел фараону чертог.
сладок топот сапог.
наследный принц, гуляка, едок
слышит, как молвит Б-г:
видишь, звезда горит на двери?
младенца у матери заberi,
в корзинку смоленую положи,
рок отведет ножи.
корзинка качается на волне.
нил успокоен вполне.

ГОЛОС

Взорваться, скрипкой онемя
окрестных избо-дач декор,
чтоб у тебя и у меня
душа рванулась на простор
туда, где крылья-облака
туда, где радуга-река,
и голоса, как две струны,
любовью переплетены.
не столько физикою тел,
но импульсами полунот.
и мы летим превыше тех,

кого сам черт не разберет,
и мы летим туда, куда
обратным ходом прет вода,
куда минуты вспять текут:
любви маршрут!

ТВАРЬ

Когда слабеющая тварь
смотрела горько изнутри
задрапированных страстей,
я вспоминал о детстве дней.
был в белой ночи ленинград.
три месяца гитарил день.
и стар и млад был сердцем рад
долдонить лета дребедень.
я был подвластен, как и все,
бессонной питерской красе.
я шел от стрелки вдоль невы,
к мосту, где сфинксы (полульвы)
жевали белой ночи лед,
сжигали белой ночи лет.
сказал мне сфинкс: скорей летим
туда, где над пустыней дым
повис от кочевых костров
над рваным пологом шатров.
я на спину химеры сел,
мы полетели высоко,
в заоблачное молоко.
тек нил под нами.
пирамид
кристаллы излучали мысль,
которая сама летит
в бездонную, как вечность, высь.
я ощутил, что вдруг созрел
лететь, как мысль, дорогой стрел,
направленных (кем?) в никуда,
чтоб не вернуться никогда.

НОРД-ВЕСТ

Норд-вест в нашем городе затерялся
в заборах и зарослях винограда,
который толстые ноги томатов
подтаскивает к доскам забора,
чтобы устроить пир коромыслом.
зреют лоноподобные кисти

над красными кляксами местных галактик.
все остальные плоды огородов
принимают игру норд-веста в предтечу
ветра и влаги, дождя и засухи,
лона луны и щупальцев марса.
в этом, наверно, и есть мессианство:
сделать обыденность неповторимой,
переиначить тоску черепахи
в твердую поступь истории рода,
тянущуюся на веревке
дыма кизячных безмерных кочевий.
в этом, наверно, и есть мессианство:
племени карту переиначить
даже ценой трехсотлетнего плена,
если за ним последует счастье
соединения с Б-гом исхода.

МАГИЧЕСКАЯ ЛУНА

*Я спросил сегодня у менялы,
Что дает за полтумана по рублю.
Как сказать мне для прекрасной Лалы
По-персидски нежное «люблю»?*
Сергей Есенин.

На углу центральной улицы
и какой-то боковой,
в итальянском городишке
под магической луной
три хасида в черных шляпах,
в черных туфлях, сюртуках
к небу руки воздевали
и молились на глазах
у прохожих и проезжих.
а прекрасная луна
сочным телом серебрилась,
словно женщина она,
и плыла, как афродита,
в пенном облаке-волне,
шаловлива, нагловата
и вполне по вкусу мне.
был один хасид ведущим:
он из Книги что-то пел,
постигая мыслью сущей
красоту небесных тел.
постигая серебристой
сладкой женщины-луны

бег лукавый и петлистый,
словно переплетены
строки Книги иудейской
с легкой строчкой облаков.
видно чтец ночной молитвы
был из рода мудрецов.
и спросил я осторожно:
что нас ждет, скажи-ка мне,
в новой, дальней и тревожной,
в той заморской стороне?
и ответил мне оракул
в черной шляпе, в сюртуке:
если вырвался из мрака,
верь спасающей руке!
следуй Книги указаньям,
верь магической луне,
верь в единство мироздания,
верь возлюбленной жене,
верь в приход Того, кто прожил
жизнь далекую без нас,
в чудо верь, еврей, и все же
стереги свой звездный час.

КОНЦЕРТ МУЗЫКИ ШЕНБЕРГА

Сначала гудели автомобили,
звенели трамваи,
фонарные бубны бубнили и били,
трубили туннели,
чернели панели,
в морозных иголках вселенской метели
небесные ноты летели и пели.
куда посылал их апоплексичный
хозяин оркестра с взъерошенной
сивой
рассерженной гривой,
взъерошенной гривой,
достойной великого дирижера,
который
уселся одной половиной
хозяйского зада
на бархатный красный крутильник,
взятый на время концерта из бара,
другой половиной ссссссползааааая в осеннее крошево сада,
в мычание ада,
сссссссползааааая со сцены
в черную пропасть вселенной.

но между взлетанием в небо
и сползанием в ад
струнные замерли немо,
и барабаны молчат,
грузные виолончели
оседлали ритма качели,
туда и сюда
качаются на смычках,
как поросята на пяточках.
и вдруг из повторов твиста,
из визга и свиста
прорезался ручеек,
как долгожданный сынок.
он сделал из ветки орешника дудку-свирельку,
свистал, колдовал, выдувал, прислушивался недельку,
и – музыку, независимую от дирижера,
напел
голосом ангельских стрел.

ВЕЧНО ПРИХОДЯЩИЕ

Он примчится на горном орле,
разрушит ворота смерти.
она прискачет верхом на минотавре,
взроет подземные тюрьмы,
где заблудились души.
оно протиснется в форточку замка,
отстегнувшись от облака или озера,
и принесет стихи, посвященные прекрасной даме и рыцарю,
которые поселились в замке над стиксом.
кажд(ый, ая, ое) посетит каждого из нас когда-нибудь.
а иначе – зачем игра в роды:
рождения и грамматические разделения?

ЗАКАТ НА БЕРЕГУ ТИРРЕНСКОГО МОРЯ

Максиму

Наша компания собралась полуслучайно:
двое из россии, трое из персии, трое с украины.
а до этого мы зашли в «супермаркет»
и купили бутылку «кьянти»,
огромную, как пизанская башня.
в определенном смысле наша полуслучайная компания
была не так уж категорически случайна,
не более, чем случайны сироты в детском доме,
или женщины в родильном отделении больницы,

или солдаты в одной роте.
всех объединяет какое-то похожее несчастье,
похожая повинность,
похожая мечта,
похожий страх.
мы все были беженцами-евреями.
это нас объединяло.
мы все бежали в америку,
спасаясь от русских, персов, украинцев.
мы все бежали в америку, как будто бы там обитал мессия.
это нас объединяло, но не роднило,
потому что у каждого были свои претензии к мессии.
мы пили вино из бумажных стаканчиков:
евреи всегда евреи,
сохраняют благообразие,
хотя нам – русским евреям – приходилось в прежней жизни
пить прямо из бутылки.
то же самое с украинскими евреями, которые за границей
немедленно начинают сходить за русских евреев.
иранцы держались степенно,
каждый раз после очередного стаканчика,
вытирая носовыми платками рты и пальцы.
черный приморский песок терял свою черноту
по мере того, как красное солнце тонуло за линией горизонта.
«а что, если мы приедем в америку и достигнем счастья? –
спросил один из иранцев. –
тогда нам больше не понадобится мессия,
мечта о мессии?»
«реальное счастье лучше прекрасной мечты!» –
сказал кто-то из русских.
«у счастья нет будущего, ибо оно проходит», – сказал еще кто-то.
было так темно, что бутылка пошла по кругу.
«зачем же мы уехали?» – спросил один из нас.
«чтобы узнать», – ответил кто-то.

МЕРТВОЕ МОРЕ

Лежа на соли мертвого моря,
я увидел желтую птицу
с красным клювом, красными лапами, красным хвостом.
я лежал на спине,
поддавшись общему мнению израильтян и туристов,
что надо лежать неподвижно
и преодолевать гравитацию
при помощи уникальной соли
библейского мертвого моря.
тогда поможет,

потому что лежание и созерцание библейского неба
над библейским мертвым морем – суперцелебно.
кроме того, я наблюдал за желтой птицей
с красным клювом, красными лапами, красным хвостом,
которая зависла надо мной,
паря,
как будто бы воздушное пространство
между мной и желтой птицей
с красным клювом, красными лапами, красным хвостом
было насыщено невидимым веществом
антигравитации,
которую излучает
мое тело,
не позволяя
желтой птице
с красным клювом, красными лапами, красным хвостом
приблизиться ко мне больше, чем определено
законами физики и метафизики.
дело в том,
что в красных лапах у желтой птицы
с красным клювом и красным хвостом
висел человеческий череп.

ФИАЛКИ ПОД ЗАБОРОМ

Миле

Под забором синеют фиалки,
зеленеет гроза.
в полупоезде-полуфиакре
над садом скользит стрекоза.
со вчерашнего полугулянья
кресла порознь, вповалку и так.
от солнечного сиянья
остался тусклый пятак.
мне пыгаться фиалок смятенье
успокаивать перед грозой?
иль под поезд стрекоз,
в топот шпал,
в полусвист-полупенье-полушипенье
скользнуть стрекозой?
кто там рожу из облака перезрелого кажет,
ухмыляется всласть?
кто грозитя адовской сажей?
чья опять надвигается власть,
пред которой поникнут фиалки,
с рельсов скатятся поезда,
и навеки, навеки потерпит фиаско
очистительная гроза?

ВНУТРЕННОСТИ СОБАКИ

Шаман гадал на печени собаки.
эвенки вылакали весь одеколон.
я подавал отчаянные знаки
тебе, что ни в кого я не влюблен.
а ты не верила мне в тридесятом царстве
ни в то, что я люблю, ни в нелюблю,
отодвигая чей-то взор гусарский,
гаданья откупая по рублю.
на печени – шаман,
на линиях руки – цыганка,
на жалкой жвачке мести и тоски
мы оба, словно ребяташки, в салки
гоняясь за судьбой, которая в тиски
зажала наши головы и руки,
неверья и неверности в залог
ломбарду отданные с горя и со скуки,
за то, что я к тебе шагнуть не мог
за тридевять земель в столичной жизни царство,
где ты сидела перед зеркальцем-лгуном,
а линия судьбы нанизывала правду и коварство
кусков души и печени на шомполе одном.

ЛЮБОВЬ К СНЕГУ

Я люблю снег.
белый неприбранный свет
лежит на кустах и дороге.
человеческие достоинства и пороки
исчезают на нет, когда сыплется снег.
я рожден в городе и научен городом,
постоянно засыпанном снегом,
даже летом
снегом черемух и белых ночей.
я ничей, сказал сумасшедший пророк,
едва шагнув на порог,
едва пригубив стихи.
я ничей, повторил сумасшедший поэт,
дерзнувший на самый высокий полет,
я принадлежу ленинградским снегам,
ни вам, ни нам, ни тем, ни другим.
литейным проспектом кружим,
по набережным невским летим,
пружиним по невским мостам,
бродим по тем местам,

где когда-то стихами владели снега,
которые снова слетелись сюда,
где к месту его и месту меня
тянутся жадные руки менял.

ЗАКАТ НАКАНУНЕ ПАСХИ

Полутона пасхального заката,
полуцвета, полунамеки, полузвучи.
я научился высекать стакатто
кремнем тоски на огниве разлуки.
там далеко за морем-океаном
пылала пасха праздником исхода,
другая покаянно-окаянно
пылала злобой к моему народу.
хотя воистину, и та и эта
принадлежали древним иудеям.
какому тексту и какому цвету,
каким заветам и каким идеям
подвластны пятна русского заката,
разбросанные прихотью ташиста,
когда гадать и думать поздновато,
а надо, надо ждать мессию и божиться?

НАДО ЛИ ПРАВИТЬ ТЕКСТЫ?

Переставляю кое-что в тексте компьютера:
там длинновато, здесь непроясненно.
а эта фразочка – китайская вазочка,
поглядывает узкими глазками,
заманивает дальневосточными ласками.
к черту! к дьяволу!
выкинуть, даже не пытаясь
подыскать замену.
пусть царапается кошачьим ногтем запятая,
оставшаяся от минутного увлечения.
окончательный текст, как любовь:
единственный, навеки!
и не надо заглядываться на чужие ноги,
глаза, походку.
ты же не будешь перекраивать текст жизни
из-за минутного увлечения?
первое впечатление
самое верное.
иначе может сломаться компьютер
души.
и как ни вороши

строчки
граблями трезвого разума,
все будут не так хороши,
как пришедшие на сердце сразу.

ЛЕТНИЙ ГОРОД

Я люблю летний город,
когда любовники бродят под цветущими липами и черешнями,
повторяя одни и те же движения,
как будто они репетируют
одну и ту же пьесу, поставленную близнецами-режиссерами,
или подражают дублерам, которые копируют кинозвезд.
я люблю, когда по городу курсирует желтый фургон,
распевающий электрическую мелодию о лимонадном джо
середины двадцатых – начала пятидесятых, когда у бедноты
еще были надежды выбраться в крепкий средний класс.
я люблю, когда в садике, принадлежащем франко-канадцам,
открывшим кондитерскую-пекарню,
сидят за чашечкой кофе благополучные горожане,
как будто они сидят в кафе на одной из парижских улиц:
карликовая чашечка, башенка минералки, любовница,
торопливый счет суицидного официанта,
вид на вандомскую колонну, нотр-дам, пантеон, что-нибудь,
подходящее для фона видеокамеры.
я люблю, когда на единственной коммерческой улице
в окрестностях местного университета
играет все тот же саксофонист,
вывезенный с берега слоновой кости триста лет назад,
но только теперь, в начале июня, осознавший, что он дома.
я люблю, когда в городском зоопарке
празднуют день рождения обезьянки,
у которой папа покрыт белой шерстью, а мама – черной,
маленькой черно-белой обезьянки, названной боб,
чтобы никто не считал себя обойденным.
я люблю, когда один роман закончен,
а второй никак не завязывается, хотя в памяти есть женщина,
подходящая на роль героини, но опять не верится, что получится.
я люблю, когда к побережью атлантики
тянутся караваны любителей рыбалки:
удочки торчат, как деревки, на которых скоро затрепещут флажки
тропических рыбин,
а вечером в кэмпинге запылают жаровни,
на которых будут жарить мясо, сосиски и бифштексы
и, возможно, рыбу,
если не отдадут черным мальчишкам.

ВЕСНА В ПРОВИДЕНСЕ

Красивый молодой еврей
поднимается по моей
горбатой улице,
залитой мартовским медовым солнцем.
неотразимый: черная шляпа, белая рубашка, черный сюртук,
руки в брюки.

князь!

он проходит под моим окном,
а рядом – барышня в темном строгом костюме и белой блузке;
локоны гуляют по спине,
как ветер по степи.
они степенно беседуют.
красавец шагает вразвалочку.
красавица, пританцовывая
и оглядываясь по сторонам:
как она выглядит в роли
невесты?

ПЯТНАДЦАТИЛЕТНЯЯ

Она была поразительно красива
с ледяными глыбками грудей
под снежком блузки.
каждый хотел притронуться.
она не пускала: расплавятся!
в нашей команде был центрфорвард
стаська васенов.
она ему разрешила.
прошли годы.
прошли десятилетия.
прошла жизнь,
орбита которой занесла меня
в мой питер,
в мое лесное,
на мою новосельцевскую улицу.
туда, где гуляла пятнадцатилетняя.
все изменилось,
кроме
усадьбы ланского,
завода «светлана»,
лесотехнического парка
и нескольких особнячков,
когда-то построенных пленными немцами.
на моей улице, где прогуливалась пятнадцатилетняя,

стояла старуха,
та самая,
которая когда-то
играла в «классики»,
скакала на одной ножке,
чтобы оказаться в счастливой клеточке,
окантованной цветным мелком,
и претерпеть метаморфозу,
превратившись в пятнадцатилетнюю,
груди которой всем хотелось потрогать.
я стоял около немецкого особняка,
на крыльце курила старуха.
дым клубился над сигаретой,
над трубой дома,
над трубой завода «светлана».
дым клубился над парком.
я пошел на свист и рев стадиона.
дым сигареты змеился:
это была старуха.
мы перелезли через ограду,
пробежали вдоль заросшей канавки,
оказались над стадионом,
где на футбольном поле
царствовал стаська васенов,
а в руках у пятнадцатилетней
был букет георгинов,
красных, как наважденье,
белых, как бредни поэта.

МОЙ ПАРИКМАХЕР

Мой парикмахер итальянец тони.
его салон забит иллюстрированными журналами,
среди которых неременный «плэйбой».
я успеваю к свежему номеру:
прекрасная незнакомка показывает мне свои прелести,
которые, в реальности, я никогда не видел и не увижу.
большое спасибо!
очень признателен!
как жаль, что меня отвлекает тони
от потрясающего знакомства.
я делаю вид, что не могу оторваться
от найденного в архивах рассказика,
вставленного в номер,
как вставляют кинозвезду
в благотворительный ужин,
от рассказика,

который найден
в разрозненных чердачных архивах,
разъединенных,
как могло быть разъединенным
тело младенца, если бы мудрый
царь соломон не был так мудр...
«тони, минутку!
четверть странички!
пожалейте младенца!»

ТРИО ШОСТАКОВИЧА

Наскандалить балетом «барышня и хулиган»,
«нагилух и яншыраб»,
нагл и глух яныш раб,
«барышня и хулиган»,
«нагилух яншыраб»,
нагл и глух ятаган.
порвать с властями с самого начала,
попасть в число
«проклятых формалистов, которые отвернулись от народа».
«адорад еыроток, вотсилавроф хытялкорп».
на чужой злой роток не накинешь платок!
выбор сделан,
стиль выбран,
власть накажет,
гений выручит,
судьба вызовет.
хорошо бы
посидеть со знакомой барышней
в «норде» за кофе с пирожными.
денег нет.
теней гнет.
а что если ввести мелодию русской песни,
которая понятна тем и этим?
в середине текста вставить «очень личное»:
я люблю тебя, я люблю тебя, я люблю тебя,
а потом перейти на фольклор:
среди долины ровныя,
на гладкой высоте
стоит один высокий дуб...
это он высокий дуб,
это он стоит один,
это он среди долины ровныя!
в гостиной, опершись на черное крыло рояля стояла девочка.
он сочинял, не обращая,
она была совсем большая,

пятнадцатилетняя,
сестра, подружка или кузина.
в углу с газетами корзина.
в газетах постановления, решения, указания, наказания.
мчится вдоль финского залива дрезина,
когда это было: девочка в поле стояла?
или во поле березонька стояла?
и рябина красная пылала,
ягодами жаркими пылала,
ой, люли, люли, пылала,
ой, люди, люди, пылала?
по дубу одинокому вздыхала
да слезами землю поливала.
как бы на высоты подняться,
к зелено-кудряву перебраться.
ой, люди-люди, помогите!
ой, люли-люли, помогите!
дуба-молодца не сгубите!
из газеты черти вылезают,
музыканта по сцене таскают,
за волосы по сцене таскают,
мордой об пол тычут,
сочинять музыку учат.

ведьма с лешим по сцене скачут.
рябинушка с березой горько плачут:
нас в неволю не отдайте,
черта с ведьмой, люди, прогоните!
мешковиной старой окна заслоните!
черту рога обломайте,
лешего веревкой обмотайте,
ведьму-злюку оседлайте,
ворона облайте,
кости обглодайте,
тайной обладайте.
лаской обласкайте,
красоту отдайте.
эх, мое местечко,
семечко-словечко.
все ты опустело,
в освенциме сгорело,
с дымом улетело.
а тебе какое дело?
ты композитор русский,
не еврейский,
не прусский.
ты наш –

петербургский!
что тебе за дело
до инородцев?
говоришь: задело,
музыкой решил бороться?

ну что поборолся, видишь:
с дымом отечества улетел идиш,
с пеплом освенцима улетел идиш.
слышишь? видишь?
в трепете нот передай
или навек пропадай!
лапци-дрипцы
ой-ой-ой,
приходите
к нам домой.
козочка копытцем,
постучит,
молочко в корытце
побежит.
как тут не влюбиться,
ой-ой-ой-ой,
в красоту-девицу
за стеной?
у нее пшеничная коса,
у нее черничные глаза.
ой-ой, ой, ой, ой, ой
я боюсь.
отпусти-прости нас,
мать русь!

ПУСТЫННАЯ ДОРОГА

какая пустынная дорога.
а еще недавно был окружен толпой.
дорога—судьба-недотрога.
я теперь другой.
доверчивых рук целованья,
как рукоплутства страшусь.
оставьте себе целковые,
поставьте покрышки новые,
поедем на океан
купаться, рыбачить, дурачить
старуху-судьбу-кукарачу,
с которой рыбак, полупьян,
затеял курортный роман.

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Как все потемнело вокруг, а еще
осталась надежда:
вдруг черно-лиловая туча пройдет стороной?
бессменный кощей упирает плечо
в калитку, где встречу с тобой.
побойся, кощей,
ты любви нищей!
твоих несусветных речей
моя дорогая и слушать не станет.
с пути моего уходи,
калитку не подпирай.
тебя переедет трамвай
моих красно-желтых снов.
тебе ли белейших снегов
сбить крепости нашей засов?

ЖЕНЩИНА ВЕСНОЙ

Как передать шахматный шаг балерины?
даже не балерины –
женщины лет двадцати?
ветер зеленый,
кутает, как пелерина,
шею, плечи, лопатки ...
где верное слово найти?
кто мне подскажет – нет метронома такого – верную ноту.
кто мне покажет – нет палитры надежней, чем сердце мое.
кто остановит модель
для ежеповторной торной тернистой работы,
чтоб улетающий шаг передать, как священное житие?
губы и груди, шею, лопатки, живот, бедра и ягодицы,
словно мультяшный художник
движения по частям нарисовал
и целый век наблюдений сгустил,
чтобы им превратиться
в двадцатилетней женщины,
убегающей,
убегающей женщины,
улетающий в годы овал.
или провал?
стой охотничьим псом посреди тротуара.
жадным и жалким зрением шаг убегающий проследи,
чтобы припомнить краски и звуки весны, улетевшей, угара,
чтобы весеннюю птицу услышать в рассохшейся клетке – груди.

РАСКРЫТАЯ КНИГА

Между страниц Книги,
между распахнутых ног
лежит моя рука.

ДАВНО ПРОШЛА ВЕСНА

Давно прошла весна.
и лето отгорело.
и осень и зима проплыли, как баржи.
а мы все ждем и ждем,
когда ударят стрелы,
и золотым дождем
повыжжет две межи.
одна между тобой и позапрошлым прошлым.
другая между мной и жизнью до любви.
но преж придет зима,
и в поле припорошенном
в стожок удача-мышь
шмыгнет – ее лови!

ГРИША ПЕРЕЛЬМАН И ПУАНКАРЕ

Согласно грише перельману,
кофейный маг, бублик, ковш
и живая собака – объекты одной категории.
футбольный мяч, планета, яйцо
и мертвая собака – другой.
для первой есть выход в другие миры –
черные дыры.
другая обречена выть за железным занавесом то-то-ли-туризма,
совокупляться сама с собой,
как дождевой червь или пастернак,
по выражению сельвинского,
который еще заимствовал
у Марины Цветаевой
сравнение пастернака
с арабом и его конем.
Марина Цветаева, которая, по свидетельству Виктора Шкловского,
придумала эту метафору,
мечтала о сублимации
одного в другого:
пастернака? Шкловского? сельвинского? коня? араба?
«пуанкаре – война!» – вопили
дети коммунаров.
«пуанкаре – тайна!» – вопят

математические юноши (до 40).
и там и там,
и тот, и этот –
дядя и племянник
придумали мировую войну
и мировую теорему.
войну и теорему,
которые должны были
закрыть
дыру
в умах народов
и математиков европы и америки
(теперь уверен также: китая, индии, израиля).
дыра и амбразура
похожи на
кофейный маг,
и бублик,
и собаку, которая шныряет по бульвару,
открытыми глазами, пожирая,
трехмерный мир,
где Б-г/вселенная летит, закрыв глаза,
и где мессия внимательно глядит: когда же ему пора?

ГРИША ПЕРЕЛЬМАН РЕШАЕТ ТЕОРЕМУ ПУАНКАРЕ,
НО ПРОВАЛИВАЕТСЯ С РАЗГАДКОЙ КЛЮЧА
К ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ГЕОМЕТРИИ
ЖЕНСКОГО ТЕЛА И ЖЕНСКОЙ ДУШИ

Женское тело можно себе представить,
как собрание сфер, переходящих одна в другую,
вполне изолированных от внешнего мира,
когда женщина вне любовного цикла.
глаза ее, хоть и глядят открыто,
затворены для беседы
души с душой,
души с телом,
тела с душой
и тела с телом
(имеется ввиду эротический партнер/партнерша/символ).
другое дело,
когда возникает зов, либидо, гон, охота, страсть, тяга,
глаза распахиваются,
поры открываются,
соски выстреливают,
губы растопыриваются:
летят в небо фонтаны петергофского дворца,
летит в балтику ладожский лед,

летит женщина к своей судьбе,
распахнутая, как халатик,
когда дверной звонок
возвещает о приходе мессии.

ПРОСИТЬ И ПОЛУЧАТЬ

Просить с протянутой рукой,
совать в мешок
одну за другой
премии.

это по-твоему жить в ногу времени?
внутри натурального пространства?
внутри многожидных побед и длительных простраций?
быть наглым, как фердыщенко,
и как фердыщенко нищенкой?
это невозможно для истинного мессии-поэта,
это фальшивая монета!
дружбу слова заместили.
зачем черепами и черепками дорогу искусства мостили?
чтобы ты сутулый от лживых поклонов
вползал на парнас уступчивых склонов?
не сомневаясь, что жить достоин
в храме, который ради мессии построен?

АВТОМОБИЛЬНЫЙ БЛЮЗ

Когда на площади стоят автомобили
и машут крылышками
дверей, капота и багажника,
я вспоминаю дни, когда мы так отчаянно любили,
я эти дни вытаскиваю из заглашника
дрожащей памяти,
которую еще не всю убили.
я вспоминаю наши дни и вечера, и ночи,
дрожащие на ветках радости,
как будто капельки росы.
прости меня, прости, прости.
ну что это за чудо-черепашки?
летающие божии коровки?
таранящие майские жуки?
мы памятью обратной оказались
во времени былой любви.
жучка-автомобильчика хозяин
кричит в изнеможении: лови
ты сам свою давнишнюю пропажу!
она в других летает облаках,

она другого цвета мажет сажу,
не зная, кто остался в дураках.
летит жучок в туман тысячелетий,
крылами машет свалка вторсырья.
мы потеряли в прошлое билетик,
а в будущее не берут старья.
прости меня, прости меня, русалка,
за то, что тихой заводью сманил.
поверь, из прошлых лет
мне, если жалко,
то неисписанных чернил.

Провиденс, США, 2005-2006.

СОДЕРЖАНИЕ

ПО НАПРАВЛЕНИЮ К МОРЮ

Звонок из редакции	5
На табурете в баре	5
Февраль в Новой Англии	6
Из Кавафи	7
Еще из Кавафи	9
Желание любви	9
Соломон Новосельцев	10
Внутренняя эмиграция	11
Снег в Новой Англии	12
Американское кладбище	12
Расщелина света	13
Март опять в Москве	13
Предпоследний вагон	14
Весенняя труба	15
Продавец газет	16
Мост над Стиксом	17
Зимний парк в Питере, Москве или Пярну	18
Indian Lake	19
Вынужденное признание	20
В автомагазине	21
В еврейском магазине “Delicatessen”	22
Минута окрестности Нью-Йорка	22
Презентация первой книги старого поэта	23
Утренняя флейта	24
Из Хемингуэя	25
Стена	26
Теплое тело любви	26
Форма яблока	27
Давид Самойлов в Пярну	27
На заброшенной мельнице у колдуньи Вяйке Лубе	28
Гарри Конник (младший) и его блюзы	29
Художник Юри Аррак в Таллине	30
Анна Ахматова и молодой поэт	30
В Париже	32
Террор	33
Киношная серия провалов	34
Жены короля Генриха	36
По направлению к морю	36
Американский студент	37
Иона	37
Толстой, Достоевский, Чехов	38
Ночная цапля	39

НЕКОТОРАЯ СТЕПЕНЬ ТОСКИ ПО МЕССИИ

Пляски хасидов	41
Лепет богов	41
Некоторая степень тоски по мессии	41
Я – твой еврей	42
Закат	42
Если	43
Библейские сюжеты	44
Сестры	44
Вернуться в Сорренто	45
Зеленые поручни моста	46
А может быть?	47
Новогоднее	47
Я уже ничего не хочу	48
В ресторанчике над океаном	48
Путешествие со слоном	49
Колдунья	50
Музыка небес	50
Манерные деревья	51
Уличный гуляка	52
Голос	52
Тварь	53
Норд-вест	53
Магическая луна	54
Концерт музыки Шенберга	55
Вечно приходящие	56
Закат на берегу Тирренского моря	56
Мертвое море	57
Фиалки под забором	58
Внутренности собаки	59
Любовь к снегу	59
Закат накануне Пасхи	60
Надо ли править тексты?	60
Летний город	61
Весна в Провиденсе	62
Пятнадцатилетняя	62
Мой парикмахер	63
Трио Шостаковича	64
Пустынная дорога	66
Перед грозой	67
Женщина весной	67
Раскрытая книга	68
Давно прошла весна	68
Гриша Перельман и Пуанкаре	68
Гриша Перельман решает теорему Пуанкаре, но проваливается с разгадкой ключа к пространственной геометрии женского тела и женской души	69
Просить и получать	70
Автомобильный блюз	70

ISBN 978-0-9654454-5-0

9 780965 445450